

Я гордо шагаю вглубь лабиринта. Моя дрянная сабля свисает у меня на боку, крепко зажатая в мёртвой хватке. Не то чтобы у меня был выбор. Понимаете, дело в том, что скелеты держатся вместе на магии, верно? Ну, есть одна деталь во всём этом процессе, а именно то, что всё, что мы держали в руках, когда умирали, становилось частью нас, когда нас воскрешали. Так что, кем бы я ни был до этого, он умер с мечом в руке. Меч, который теперь прикреплён к моей руке, так же плотно и удобно, как и любая другая кость, находящаяся на своём месте в моём гремящем теле.

В смысле, в этом есть свои плюсы, понимаете? Тебя никогда не смогут разоружить. Если только... ну, в буквальном смысле не лишат оружия. Такое тоже случается. Подземелье — это вам не курорт. В общем, у некоторых других скелетов есть дубинки, топоры, копья и всё такое. Мечи есть лишь у нескольких, так что это редкая удача. Мой идеальный день.

Ах! Я так счастлив.

Плохое настроение, которое было у меня всего мгновение назад, похоже, удалось стряхнуть. Позывы скелета — сильная штука. У меня есть врождённое желание пугать. Бродить, греметь и визжать. Всё это очень весело, так что сложно расстраиваться. К тому же, мои ментальные образы эпичной, чрезмерно драматичной битвы с героем вдохновляют меня двигаться вперёд. Мне здесь особо нечем заняться, понимаете? Важно получать удовольствие от жизни, особенно в моей.

Бывало ли так, что я уставал от всего этого раньше?

Конечно.

Чувствовал ли я себя разбитым? Подавленным? Грустным? Одиноким?

Конечно.

Это же нормальная жизнь в подземелье. От этого никуда не деться. Хотя, думаю, неважно, в подземелье ты или нет. В этом и заключается прелесть жизни, точнее, её обратная сторона. Но знаете что? Нельзя заикливаться на плохом. Это слишком просто. Мне слишком просто думать: «Ах, бедный я, умираю и возрождаюсь каждый божий день. Пожалейте меня». Нет. Видите ли, меня часто протыкают. Сжигают. Дробят, крушат, мнут, плющат. Со мной делают всё это и даже больше. В этом моя суть. Мой хлеб насущный, роль, которую я должен играть. Отстойно ли это? Да, иногда. Ну, быть проткнутым отстойно почти всегда, но, знаете...

Я стараюсь сосредоточиться на хорошем, например, на этом визге, вырывающемся из моих уст, пока я озвучиваю свои мысли и иду по лабиринту в поисках выброшенных доспехов или материалов. Пока что найти удалось немного. Видите ли, у нас здесь не так много народу. Я снова разглагольствую? Наверное. Ничего страшного.

О? Я вижу что-то лежащее в темноте впереди, расплывчатое пятно, освещённое оранжевым

сиянием моего аурального меча. Ну, я и так вижу в темноте, как скелет. По крайней мере, достаточно хорошо. В общем, что это? Я подхожу ближе к лежащей передо мной штуке, странной куче. Это скелет. Не один из наших ребят, не из отряда героя, это очевидно. Просто обычный, по-настоящему мёртвый скелет. Но что ещё интереснее, это именно то, что я ищу. Мои глаза расширились от радости. В переносном смысле, конечно же.

Я наклоняюсь и держу свой светящийся клинок над древним телом. Оно мертво уже очень давно, плоть давно сгнила или её обглодали подземельные пауки. Пыль и следы многих лет покрывают безмятежные кости, но от этого они становятся только прекраснее. Как багряный закат над цветущим лугом. Не поймите меня неправильно, я не какой-то извращенец, помешанный на смерти и прочем, понятно? Это мозг скелета, он заставляет меня любить мёртвые штуки. И почему я сегодня так поэтичен? Фу.

Я хочу сказать, что тело... Погодите. Можно ли назвать скелет телом? Мне кажется, что слово «тело» имеет неприятный оттенок. А ещё... Нет. Стоп. Луг? Закат? Что? Понятия не имею, как выглядит и то, и другое. Ах, неважно. Вернёмся к моей мысли, потому что мой мозг сегодня явно барахлит. Тело в покое. Усопшее.

Похоже, раньше это был заклинатель. На нём остатки старой робы, выцветшей пурпурной ткани с геометрическими узорами, вытканными на ней золотой нитью. Это напоминает мне о робе жрицы, но украшения другие. Грубее. Работа менее изысканная, более... грубая. Старая. Как будто её сделал человек, не умеющий работать детально, а может, просто методы были не такими продвинутыми. Это древнее тело. Насколько древнее? Не знаю. Очень-очень древнее. Как-то странно на него смотреть. Как будто я вижу тело древнего человека. Некого давно забытого человека, найденного спустя много поколений. Кто ты, странный мертвец? Что ты здесь делаешь? Почему ты находишься посреди лабиринта и почему на тебе такая милая роба? Я задаю все эти вопросы, метафорически оскверняя могилу.

Я хочу эту робу.

Не знаю, кажется ли вам это ужасным. Но вы должны понять, что здесь, в подземелье, это в порядке вещей. Мёртвые мертвы, и им это больше не нужно. Вот если бы это был один из моих товарищей-скелетов, воскресший? Я бы не стал брать его вещи. Грабить других рядовых монстров — это против моего морального кодекса.

Кости гремят и рассыпаются, пока я граблю тело. Роба вся в дырах, многих кусков не хватает. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что это случилось ещё при жизни, похоже, кому-то несладко пришлось.

Это будет отличная жизнь, я чувствую, — говорю я, держа в руках свой трофей.

Материал грубый, но, кажется, хорошо выделанный. Кроме всех этих дыр от ударов, нигде нет никаких торчащих ниток или потёртостей. Отлично! Я накидываю её на себя. Немного неудобно натягивать рукав на мой меч, но я справляюсь.

Хм... Не знаю. Я опускаю взгляд и широко раскидываю руки. Кажется, немного... свободно. Я чешу затылок. У скелетов-заклинателей, которые тоже где-то здесь, в лабиринте, есть свои робы. Но они сидят лучше. Интересно, мастер подземелий сшил их на заказ? Вот бы и мне. Нет, так не пойдёт. Я разочарован. Не могу же я сражаться с героем, будучи одетым в такое барахло. Что, если он будет надо мной смеяться? Я умру.

Я вздыхаю и снова снимаю робу, на этот раз немного неаккуратно. Рукав цепляется за мой клинок и рвётся. Вот блин. Я смотрю на кости внизу, укоризненно смотрящие на меня. Мне не по себе, я взял их робу, так что теперь должен хотя бы воспользоваться ею. В противном случае это будет пустой тратой, но...

Я ломаю свой несуществующий мозг, пытаюсь найти ответ. Я чемпион, я должен выглядеть соответствующе. Должен выглядеть устрашающе, как настоящий злодей. Мастер подземелий рассчитывает на меня, я не хочу его подвести. К тому же, я очень хочу круто сразиться с героем... Погодите. Герой. В моей голове всплывает образ его длинного, развевающегося плаща. Точно!

Я бросаю потрёпанную робу на грязный пол рядом с телом и принимаюсь за работу, стратегически разрезая и разрывая её своим клинком. Несколько минут спустя я встаю и гордо демонстрирую результат своего труда. Я драматично закидываю длинный кусок ткани за спину и повязываю лямки, которые сделал из рукавов, вокруг плеч, продев их сквозь ключицы, чтобы они держались на месте. Дааа!

Я гордо вытягиваю правую руку в сторону в драматичной позе, плащ развевается от взмаха, из-под левого борта, частично скрывающего мою грудь, пробивается неровная аура моего меча. Дааа! Жаль, что я не могу себя видеть, но готов поспорить, что выгляжу просто потрясающе. Спасибо, мертвец, я у тебя в долгу! Я смотрю на кости, они смотрят на меня в ответ. Неловко.

Больше у тела ничего нет. Однако я в долгу перед ним за этот дар. Наклонившись, я собираю кости в аккуратную кучу и кладу череп сверху. В подземелье нет могил, это всё, что я могу сделать. Не знаю, кем ты был, друг, но я ценю твой вкус в одежде. Я поднимаюсь на ноги, пурпурный плащ с золотой вышивкой развевается за моей спиной, в центре — потёртое изображение солнца. Ткань так динамично колыхается, словно в неё вселился ветер, чтобы сделать её и меня до смешного нелепыми. Скажу я вам, ребята, вы не жили, пока не настал тот день, когда вы надели плащ. Это редкий случай, который многим не дано испытать, но вы должны следовать своей мечте, друг. Грабьте эти тела. Сражайтесь с этим героем. Носите этот плащ.

Я счастлив. Я невероятно счастлив. Я размахиваю мечом из стороны в сторону, чувствуя, как ткань движется за мной. Это заставляет меня чувствовать себя сильным. Могущественным. Одно лишь осознание того, что он у меня есть, заставляет меня чувствовать себя героем. Я закрываю глаза и начинаю двигаться. Взмахиваю, приседаю, уворачиваюсь, как будто я сам великий герой, сражающийся с тьмой вместе со своими друзьями. Я чувствую себя счастливым. Полным энергии. Сегодня хороший день!

Я открываю глаза и в ужасе вижу других скелетов, уставившихся на меня. Они видели меня.

Они видели всё. О боже! Я неловко выпрямляюсь и смотрю на своих братьев-скелетов, которые стоят вокруг меня плотным кольцом. Все их не-глаза устремлены на меня, как и те угольки, которыми они являются. Я знаю, что они не могут осуждать меня, но ничего не могу с собой поделать. Это неловко, стыдно.

Мы некоторое время стоим в тишине. Они ждут моих приказов. Нужно вести себя спокойно, стоять гордо, я не могу показать им свой стыд. Видите ли, я чемпион. Здесь, в подземелье, существует что-то вроде субординации. Мастер подземелий — главный. Потом идут заместители, по одному на каждый вид монстров в подземелье. И, наконец, ниже заместителей находятся чемпионы, элита. Одним из которых я сегодня и являюсь. Заместители, как правило, остаются на своих аренах. Так что, кроме боссов, мы зовём на помощь только их. Это значит, что мои товарищи-скелеты здесь, ждут моих приказов. Однако мне нечего им приказать. Битва начнётся ещё не скоро. Я смотрю на них, это разношёрстная компания. У них самое разное оружие. У одного или двух есть мешок, и я уверен, что он полон монет, судя по звуку. Бедняги.

Ладно, неважно. Играй свою роль. Играй свою роль. Я хлопаю себя по щекам, чтобы придать лицу осмысленное выражение. Меч ударяется о мой пустой череп, и я вспоминаю, что у меня вообще нет кожи и щёк. Они тоже это видели. Я не обращаю внимания. Спокойно! Я привык к стыду. Я снова вытягиваю правую руку, повторяя движение, чтобы мой плащ драматично взметнулся в сторону, и иду вперёд сквозь толпу, как ни в чём не бывало. Они молча поворачиваются ко мне и следуют за мной. Звук тысяч гремящих костей наполняет воздух, эхом отражаясь от стены к стене. Шествие армии мертвецов, возглавляемое обманщиком, самозванцем. Хорошо, что они нежить, что не могут судить или думать. Мысль о том, чтобы возглавить отряд гоблинов, меня нервирует.

Осознание того, что я веду их всех на смерть, всегда преследует меня. Я, может быть, и готов принять её, но они — никогда.

<http://tl.rulate.ru/book/115849/4551750>